

Елена Юрьевна Артемьева, ее работа и ее влияние

Серкин В.П.

Впервые я увидел Елену Юрьевну Артемьеву на собеседовании в зимнюю психологическую школу 1982 года. Кажется, Елена Юрьевна тогда руководила НСО¹. Собеседование для младших курсов проводили студентки старших курсов или аспирантки (второкурсником я этого не знал), но, конечно, главной на собеседовании была Елена Юрьевна. Студенты должны были представить тезисы своего доклада на зимней школе и рассказать о предполагаемом участии.

Как я сейчас понимаю, целью собеседования было комплектование группы школы, а тогда, будучи погруженным в содержание предполагаемого сообщения, я просто увидел преподавателя, которому интересно общаться со студентами. Конечно, это было интересно и многим другим преподавателям, но Елена Юрьевна почти мгновенно преодолевала ролевое разделение, и разговор сразу становился свободным и от этого более содержательным.

Привлекло в Елене Юрьевне и то, что она не задавала тему работы и всегда была готова обсуждать ту проблему, которая интересна студентам. На третьем курсе я попытался построить «Векторную модель человеческой психики» (тема курсовой), и несколько преподавателей предложили мне поискать с этой темой другого руководителя (не назвав при этом никого конкретно). Напротив, Елена Юрьевна нисколько не удивилась теме и предложила свою помощь не только как преподавателя психологии, но и как математика, разбирающегося в векторной (тогда она называлась линейной) алгебре.

Это научило меня трем вещам:

1. Уже будучи профессором, я не отсылаю или не предлагаю с ходу, как многие коллеги, изменить тему студенту младших курсов, «решающему вечные психологические проблемы» (общая теория сознания, математическая модель личности, описание интуиции, статистика снов, диагностика чувства вины и др.). Наоборот, такие студенты интересны мне. И в половине случаев работа показывает, что с такими темами подходят именно творческие, работоспособные и одаренные студенты.
2. Хороший преподаватель не навязывает студентам свои темы. Если он искренне работает с интересами студента, студент через некоторое время столь же искренне начинает работать с интересами преподавателя. Основная университетская образовательная связка «студент — преподаватель» всегда включает в себя отношение. Именно поэтому и существует преподавательская этика. Полностью свободна от отношений лишь работа с компьютером.
3. Нужно заниматься тем, что тебе интересно, независимо от наличия в данный момент поддержки (бюджета, грантов, покровителей и пр.). Если ты занимаешься важным и нужным делом, поддержка найдется по мере реализации твоего проекта.

Окончив курсовую, я попросил у Елены Юрьевны почитать ее книгу «Психология субъективной семантики» (М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980). Елена Юрьевна подарила мне экземпляр, который берегу и сегодня. Тогда работа мне просто понравилась четкостью, лаконичностью и амбициозностью. Сегодня могу, на свой субъективный взгляд, конечно, сформулировать и то, что, может быть не всегда вербализованно, задавалось Еленой Юрьевной в первой небольшой книге и в ее докторской диссертации (Психология

¹ Научное студенческое общество.

субъективной семантики. М., 1987) как программа и специфика развития отечественной психологии субъективной семантики:

1. Создание парадигмы психологии субъективной семантики: 1) семантическое моделирование структур субъективного опыта с максимально меньшим числом допусков модели и с максимально меньшим количеством формализаций данных эксперимента; 2) моделирование не только результатов, но и механизмов семантического оценивания²; 3) постоянно дорабатываемое соответствие ее аксиоматики с феноменологией моделируемой реальности.

Субъективными семантиками Е.Ю. Артемьева называла системы смыслов, понимаемых как следы взаимодействий с предметом, явлением, ситуацией, зафиксированные в виде отношения к ним. Субъективные семантики не задаются структурами экспериментальных процедур или структур математического анализа (факторами, кластерами и пр.), а моделируются после получения экспериментальных данных. Обобщающей концепцией моделирования в психологии субъективной семантики является концепция образа мира А.Н. Леонтьева.

Е.Ю. Артемьева выделяет две составляющие семантического моделирования: а) описание субъективного опыта; б) описание «измерителя». Принципиальная возможность реконструкции значений на основе семантического оценивания была доказана в опытах по реконструкции стимула на основе семантических универсалий. Второе описание (описание измерителя) возможно потому, что приписывание свойств (определения, ассоциации, подстановки, реконструкции) или соотнесение (классификации, шкалирования) характеризует не только стимул, но и осуществляющего процедуру человека.

2. Поиски универсального семантического кода описания субъективного мира. Задача является актуальной и нерешенной и сегодня. Попытками ее разработки являются различные варианты вербальных и невербальных шкал семантической оценки (наиболее часто — глагольные и невербальные семантические дифференциалы). Сегодня думаю, что для решения этой задачи необходимо разрабатывать интегральные (межмодальные) шкалы, а ключ к разработке лежит в метамоделах культурного развития.

3. Попытка разработать один из вариантов универсальных семантических шкал. В качестве варианта Е.Ю. Артемьева использовала набор из восьми геометрических фигур, которые она называла модификациями круга. Этот, сегодня широко известный и применяемый набор, предлагался в исследованиях Е.Ю. Артемьевой и ее сотрудников испытуемым разных профессий, возрастов и национальностей для сопоставления его семантических оценок с большим количеством семантических оценок стимулов разной модальности и амодальных стимулов. Накопленный и опубликованный материал позволяет сегодня многим исследователям сопоставлять их результаты с результатами других авторов именно потому, что во многих исследованиях в качестве нейтрального набора используются эти же, получившее сленговое название, «восемь артемьевских фигур».

И сегодня к этому нечего добавить кроме нового фактического материала и пожелания разработки других аналогичных (может быть, вербальных или в других модальностях) универсальных семантических шкал.

4. Поиски механизма межмодального семантического оценивания. Частично соглашаясь с Ч. Осгудом в том, что одним из механизмов межмодального семантического оценивания является синестезия, Е.Ю. Артемьева большое значение придавала работе с оценками амодальных стимулов. Поскольку явление синестезии, очевидно, не объясняет работу со сложными амодальными понятиями, Елена Юрьевна разрабатывала концепцию

² При использовании итерационных методов математического моделирования структура субъективного опыта не моделируется, а ПРИПИСЫВАЕТСЯ (факторы, кластеры и пр.) результатам. Именно поэтому такие математические структуры называются операциональными АНАЛОГАМИ опыта. Операциональности, тем не менее, там мало, так как валидность такой процедуры не доказана.- В.С.

метафорического переноса как общего механизма межмодального оценивания. Исследуя психологические механизмы межмодального многомерного шкалирования, Е.Ю. Артемьева разработала концепцию «замещающей реальности» для ответа на вопрос о том, что оценивает испытуемый. Эта концепция особенно важна именно при оценке вербальных стимулов, не имеющих однозначного модального наполнения (интервалы времени, характеристики личности и т.п.). По ее мнению, психологическим механизмом, обуславливающим возможность такой оценки, является системный метафорический перенос, опирающийся, в свою очередь, на амодальные смысловые структуры.

Сегодня я считаю, что возможности межмодального оценивания и сопоставления модальных и амодальных оценок обусловлены работой порождающих функций образа мира. Это связано с тем, что при семантической оценке стимула сопоставляется не само его значение, а процесс «порождения» значения в образе мира субъекта. Но поиски механизма межмодального переноса через общие механизмы порождения значений (в том числе и значения слова) были начаты с анализа метафорического сопоставления.

5. Разработка метода семантических универсалий, методов семантической реконструкции и конструирования. Рассматривая семантическое оценивание как измерение, и, соответственно, *семантическую оценку как координату опыта*, Е.Ю. Артемьева назвала совокупности устойчивых сходных оценок семантическими универсалиями. Простейшим способом обработки результатов семантического оценивания является подсчет частоты встречаемости определенного признака по группе испытуемых. Большая частота свидетельствует о значимости (неслучайности) представленности данного признака в сознании испытуемых. Совокупность значимых признаков определяется на основе заданного критерия значимости.

Модель (описание объекта исследования), построенная методом семантических универсалий всегда шире, информативнее и валиднее любой факторной или кластерной модели, так как более свободна от ограничений, накладываемых процедурами математического моделирования.

Для семантической реконструкции значений испытуемым предлагается семантическое описание значения (семантическое поле, семантические универсалии и т.п.) с заданием назвать предмет (в широком смысле слова), соответствующий данному описанию. В экспериментах Е.Ю. Артемьевой и ее учеников процедура реконструкции использовалась для доказательства существования структур семантического оценивания модальных и немодальных стимулов, как процедура валидизации метода семантических универсалий и для доказательства существования единого амодального семантического кода как основы межсистемного метафорического переноса:

- 1) если при индивидуальной оценке стимула выявляется совокупность шкал, неслучайно выбираемых испытуемыми³, значит существуют какие-то общие для этих испытуемых структуры семантического оценивания данного стимула;
- 2) если на основе универсалии одной группы испытуемых другая группа испытуемых может «восстановить» стимул (собственно реконструкция), **значит модель описания экспериментальных данных (семантическая универсалия) валидна⁴**;
- 3) если сопоставление на основе сходства семантического оценивания объектов разной модальности и немодальных подтверждается экспериментально прямым сопоставлением объектов испытуемыми, значит, существует единый амодальный семантический код оценивания, на основе которого возможны межмодальные сравнения и сопоставления с амодальными объектами.

Эти утверждения неоднократно доказаны в работах Е.Ю. Артемьевой и ее сотрудников.

Для семантического конструирования испытуемым предлагается набор характеристик

³ Напомним, что совокупность таких оценок образует семантическую универсалию стимула для данной группы испытуемых.

⁴ Валидность кластерной и факторной структур оценивания до сих пор никак не доказана.

с заданием сконструировать (назвать, придумать) предмет, ими описываемый.

Сегодня методы семантической реконструкции и конструирования частично стандартизованы, расширены сферы их применения, метод семантических универсалий применяется не только при работе с семантическими дифференциалами, но и при работе с методом ассоциаций и с контекстными проективными методами.

6. Описание мира профессии. Особое, профессиональное отношение к предметам и средствам профессиональной деятельности Е.Ю. Артемьева назвала миром профессии. Для доказательства существования мира профессии Е.Ю. Артемьева предположила и доказала, что семантическое оценивание значимых объектов профессионалами имеет специфические особенности. Эти результаты позволили ей утверждать, что принадлежность к профессии влияет и на структуры семантического оценивания, и на специфику рисуночной трансформации стимулов. Наверное, лишь из-за отсутствия прямого экспериментального доказательства Е.Ю. Артемьева не написала явно, что такая специфика семантического оценивания профессиональными группами неозначенных явно стимулов и их трансформации возможна лишь при существовании специфики порождающих механизмов оценивания и трансформации, то есть при существовании не только мира профессий, но и профессиональной специфики образа мира профессионала.

Выполненные в 80-х годах XX века работы Е.Ю. Артемьевой и ее сотрудников по изучению мира профессий являются основополагающими для уже очень многочисленных современных работ по описанию образа мира разнотипных профессионалов.

Еще студентом я застал ситуацию, когда Елена Юрьевна серьезно заболела и вскоре лишилась возможности часто выходить из дома. Это не ограничило возможности ее общения. Члены уже сложившейся группы студентов, аспирантов и сотрудников почти ежедневно бывали у нее дома, а содержательные работы часто сменялись общим чаепитием и общением. Деканат в те советские времена сделал шаг, который труден и сегодня — разрешил Елене Юрьевне проводить спецкурсы (по выбору), стоящие в расписании, у себя в квартире. Круг общения и сотрудников Елены Юрьевны не сужался, а, наоборот, разрастался постепенно.

С годами переосмысливаешь многое из того, что видишь в молодости. Сегодня, будучи уже старше, чем Елена Юрьевна в 1987-м, очень четко понимаю, какое мужество, какие усилия воли проявляла наша руководительница. Переноса операции, боль, не имея возможности передвигаться вне квартиры, будучи очень во многом зависимой от окружающих в бытовых вопросах, зная лучше нас прогнозы своей болезни, Елена Юрьевна не впадала в депрессию, писала докторскую диссертацию, всегда до самого конца представляла перед нами оптимистичной, жизнерадостной и поддерживающей окружающих(!). Думаю, что позже не только я, вспоминая в напряженные периоды и моменты своей жизни, Елену Юрьевну, был благодарен ей за настоящий образец человечности, мужества и оптимизма.

Я также благодарен многим сотрудникам и бывшим студентам Елены Юрьевны, проявившим в самые трудные времена ее болезни настоящее бескорыстное соучастие в решении ее проблем. И после смерти Елены Юрьевны жизнь не «раскидала» нас. Хотя мы живем в разных городах и странах, сложившая тогда общность сохраняется, мы не перестали общаться, а наши двери и сердца открыты друг другу.